

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 80.811.161.1

DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-3-75-81

Динамические процессы в области частей речи в современном русском языке

Наталья Александровна Петрова

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, г. Архангельск, Россия, petrovanatalja@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются динамические процессы в области морфологии – трансформация частей речи (атрибутивных глагольных форм и отглагольных существительных), а также синкретичные случаи переходов между частями речи на примере живой речи молодежи. За основу взят традиционно-комплексный метод анализа языкового материала, в процессе которого использовалась система инструментальных операций (приемы синонимического перефразирования, свертывания, оппозитивного метода, позволяющего рассмотреть системные связи слова и их влияние на семантику словоформы), ориентированных на выявление категориального значения; с помощью логико-синтаксического и синтагматического методов определялись грамматические признаки языковых единиц. На примере молодежного жаргона, представленного в Словаре народно-разговорной речи г. Архангельска, показан механизм транспозиции разных групп слов в поле междометий, где функционирует несколько подгрупп лексем синкретичного типа, выделены основные направления перехода разных частей речи в группу оценочных слов.

Ключевые слова: динамические процессы, части речи, транспозиция, синкретизм, контаминация, омонимичные слова на -о, синтаксическая функция, оценочные слова, слова оценки ситуации

Благодарности: коллективу авторов Словаря народно-разговорной речи города Архангельска¹; Е. Е. Котцовой, О. Е. Морозовой, Э. Н. Осиповой и студентам, которые в течение ряда лет вели наблюдение и собирали образцы речи молодежи г. Архангельска, послужившие материалом для иллюстрации переходных явлений в области оценочных слов.

Для цитирования: Петрова Н. А. Динамические процессы в области частей речи в современном русском языке // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 3. С. 75–81. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-3-75-81.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

The dynamic processes in the parts of speech in the contemporary Russian language

Natalya A. Petrova

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia, petrovanatalja@mail.ru

Abstract. This article examines dynamic morphological processes – the transformation of the parts of speech (namely, attributive verbal forms and verbal nouns), as well as the syncretic cases of zero derivation on the example of young people's speech. The author has employed the traditional complex method of analyzing the language material, which in turn has used the system of instrumental operations (synonymous rephrasing, downsizing, and opposition method; the latter allows examining the system connections of a word and their influence on the semantics of a word form), oriented towards developing the categorial value; the logico-syntactic and syntagmatic methods aided in determining the grammatical signs of language units. Using as an example the youth jargon, represented in the Dictionary of Colloquial Speech of the City of Arkhangelsk, this article shows the mechanism for transpositioning different word groups into interjections, where several lexem subgroups of the syncretic type function; in addition, the author identifies the basic directions for the different parts of speech transitioning turning into the evaluative vocabulary.

Keywords: dynamic processes, parts of speech, transposition, syncretism, contamination, homonymous words in -o, syntactic function, evaluative vocabulary, word for evaluating a situation

Acknowledgements: to the authors of the Dictionary of Colloquial Speech of the City of Arkhangelsk; to E. E. Kottsova, O. E. Morozova, E. N. Osipova, and the students, who have over a number of years observed and gathered the speech models of the young people in Arkhangelsk, which have served in illustrating the transitional phenomena among the evaluative vocabulary.

¹ Словарь народно-разговорной речи города Архангельска: в 3 т. Т. 2: Городские социолекты. Ч. 2: Молодежный жаргон Архангельска (1996–2018) / сост. Е. Е. Котцова, О. Е. Морозова, Э. Н. Осипова, Н. А. Петрова; под общ. ред. О. Е. Морозовой. Архангельск: САФУ, 2019. 196 с. (СНРР).

For citation: Petrova N. A. The dynamic processes in the parts of speech in the contemporary Russian language. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2021. Vol. 82, No. 3. P. 75–81. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-3-75-81. (In Russ.).

Введение. Части речи в современном русском языке представляют собой живую, динамичную картину, включающую как традиционно выделяемые части речи, так и переходные явления. Постоянное взаимодействие классов слов при функционировании в речи приводит к контаминациям и транспозициям [Бабайцева 2000: 242–247].

История частей речи включает несколько этапов развития, каждый из которых опирался на тот или иной принцип, лежащий в основе выделения классов слов. Так, М. В. Ломоносов, А. Х. Востоков в своих изысканиях исходили из семантического принципа, суть которого заключалась в отнесении слов к той или иной части речи на основе категориального значения. Однако последовательная семантическая классификация наталкивалась на определенные трудности: например, в строках А. Фета: *Шепот, легкое дыханье, / Трели соловья, / Серебро и колыханье / Сонного ручья* — отглагольные существительные *шепот, дыханье, колыханье* при строгом соблюдении семантического принципа должны считаться глаголами, так как обозначают действия, но по грамматическому оформлению остаются существительными. Подобные образования являются трансформами существительного и глагола.

Московская школа лингвистов взяла за основу формальный, грамматический, критерий. Ф. Ф. Фортунатов и его ученики Д. Н. Ушаков и М. Н. Петерсон довели грамматический эксперимент до логического конца, в результате которого, с одной стороны, одинаковая формально-грамматическая характеристика объединила слова разных частей речи — падежные, личные, родовые и др., а с другой — слова одной части речи попали в разные классы слов, например: одни глагольные формы (инфинитив, деепричастие) оказались в группе неизменяемых, формы прошедшего времени — в родовых, а формы настоящего, будущего — в личных.

Абсолютизация одной из сторон слова приводит к искажению существующих в языке связей и отношений, поэтому в основе

большинства теорий отечественных лингвистов лежит объединение названных принципов в разном соотношении. Наиболее широкое признание получила классификация частей речи В. В. Виноградова, который дал научное обоснование деления слов на знаменательные, служебные, а также междометия и модальные слова и, что важно, указал на роль синтаксического фактора в появлении новых классов слов в языке [Виноградов 2001: 34].

Анализ. Современное языкознание — часть экстралингвистической парадигмы лингвистических учений — обращено к функциональной стороне языка — речевому употреблению. Вниманию к функциональной стороне языка позволило выделить несколько переходных классов слов, при употреблении в речи которых исходные признаки частей речи нейтрализуются. Динамическая теория частей речи, описанная А. Л. Шарандиным, позволяет объяснить механизм формирования новых частей речи [Шарандин 1990: 26–29]. Например, в строках Н. Леоновича: *Уходящие в детство мотивы / Возвращаются к нам неизвестно, / Как побеги весенней крапивы, / Прошлым радуя и щекоча* — причастие *уходящие* как форма глагола *уходить*, обозначающая признак предмета по действию, оказывается в позиции, характерной для определения, и совмещает действие и признак; как следствие, глагольные признаки соединяются с признаками прилагательного.

Синкретизм причастий определяет расхождение в трактовке этого класса слов не только в разных классификациях ученых, но и в подаче причастий в школе и вузе. По традиции в вузовской грамматике причастия рассматриваются как форма глагола, что подтверждается научными фактами — наличием у причастий глагольных грамматических категорий вида, переходности, залога; общей сочетаемостью (*мотивы уходят (куда?) в детство* — *мотивы, уходящие (куда?) в детство*); способностью к свободной трансформации причастия в глагол за счет полупредикативности причастия (причастный оборот часто заменяется глагольным предикатом), поэтому

целесообразно в морфологическом разборе причастий признаки глагола (вид, переходность, залог, спряжение, основы, класс) прописывать отдельно от признаков самого причастия (действительный или страдательный залог) и признаков прилагательного (число, род, падеж).

В то же время причастия в процессе функционирования получают в контексте специфику. Так, например, краткие страдательные причастия прошедшего времени в процессе функционирования подвергаются семантической трансформации; в частности, в предложениях с нулевой связкой: *письмо написано, дело сделано, узоры вышиты* и т. п. — причастия получают уникальное грамматическое значение «настоящего совершенного», когда с моментом речи совпадает результат процесса, произошедшего в прошлом. Рассмотрение причастий в качестве самостоятельной части речи поддерживается и авторами учебного пособия Н. М. Шанского и А. Н. Тихонова [Современный русский язык 1987: 206]. Тем не менее отнесение причастия к самостоятельным частям речи не получает научного подтверждения, однако удобно в методическом аспекте: долгое время в школьных учебниках причастие считалось формой глагола², но начальной формой была форма причастия единственного числа мужского рода, что свидетельствовало о частеречной самостоятельности этой группы слов. Такое противоречие создавало неудобство в плане изучения причастий в теоретическом и в практическом аспектах. Современные учебники рассматривают причастие как самостоятельную часть речи³. Вопрос о статусе причастий как части речи остается открытым.

Зоной трансформации являются и деепричастия, которые попадают при функционировании в позицию глагольного обстоятельства: *...мотивы возвращаются... прошлым радую и щекока* — и совмещают глагольные признаки с неизменяемостью наречий. Аналогичный механизм наблюдается при функционировании отглагольных

существительных (см. строки А. Фета: *Шепот, робкое дыханье, / Трели соловья...*). Все это подтверждает мысль В. В. Виноградова о том, что «морфологические формы — это отстоявшиеся синтаксические формы. Нет ничего в морфологии, чего нет или прежде не было в синтаксисе и лексике. История морфологических элементов и категорий — это история смещения синтаксических границ, история превращения синтаксических пород в морфологические. Это смещение непрерывно. Морфологические категории непрерывно связаны с синтаксическими. В морфологических категориях происходят постоянные изменения соотношений, и импульсы, толчки к этим преобразованиям идут от синтаксиса» [Виноградов 2001: 34]. В языке находим многочисленные подтверждения этому в разных группах частей речи — в зоне имен числительных, слов категории состояния, в области перехода знаменательных частей речи в служебные и в модальные слова.

Следует отметить, что появление новых частей речи связано непосредственно с человеческим фактором: так, внимание к внутреннему миру человека определило в XIX–XX вв. выделение учеными такой части речи, как категория состояния. Категория модальности включает как дескриптивные высказывания, описывающие действительность, так и аксиологические (оценочные) высказывания деонтической модальности. В области функционально-семантического поля модальности, призванного передавать отношение говорящего к высказыванию, начинают оказываться уже новые группы слов, выделяемые на синтаксической основе, в частности за счет помещения оценочных слов в несвойственные им синтаксические позиции.

В настоящее время активные процессы контаминации частей речи наблюдаются в поле оценки, понимаемой как вид модальности, как часть ее смысловой области [Бондарко 1990: 61; Виноградов 2001: 594]. Аксиологические компоненты, связанные с признанием ценности понятий по шкале «хороший»–«плохой» (с множеством оттенков деонтической модальности (морально-этических устремлений говорящего — *нехорошо, опасно, вредно, незаконно; классно, космос, стремно, шикардос — влом, западло, фигово* и т. п.), эпистемической модальности, понимаемой в широком

² Баранов М. Т., Григорян Л. Т. и др. Учебник русского языка для 5–6 классов. М.: Просвещение, 1974. С. 223.

³ Баранов М. Т., Ладыженская Т. А. и др. Русский язык. 7 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений / науч. ред. Н. М. Шанский. М.: Просвещение, 2013. С. 33.

плане (вероятностной оценки ситуации, включая временную и гипотетическую модальность): *голак, напруг, отбой, хана, чистяк* и т. п.), обычно доминируют в семной структуре значений лексического корпуса в речи молодых людей, так как они, осваивая мир, примеряя его к конкретной коммуникативной ситуации, всегда дают оценку понятию, выделяют тонкие смысловые оттенки в словах, уже имеющих в арсенале языка.

Оценочность как особая семантико-прагматическая область категории модальности в языке, наряду с эмотивностью и экспрессивностью, образует поле **оценочной модальности**, включающей в себя слова практически всех частей речи. Все примеры взяты из живой речи молодежи⁴.

Языковые средства выражения оценочной модальности отражают современную тенденцию неологизации на грамматическом уровне (термин Е. В. Сенько), когда появление окказиональных единиц лексического уровня оказывается источником развития грамматической системы [Сенько 2007: 300].

Можно выделить разные виды грамматических инноваций, обусловленных взаимодействием лексических и грамматических признаков в оценочных словах как общим наименованием слов с аксиологическим компонентом.

Синтаксический показатель порядка слов детерминирует разницу в статусе оценочных слов в сочетании с инфинитивом: *А мне не айс тебя два часа ждать* (слово категории состояния); *Лежать в холоде под двумя пуховыми одеялами довольно кайфово, ребята* (прилагательное). В зависимости от порядка слов в предложении грамматический статус слов меняется. Грамматический синкретизм связан с позицией инфинитива по отношению к оценочному слову. В высказывании *Мне не айс тебя два часа ждать* оценочное слово в сочетании с инфинитивом выступает в качестве сказуемого в односоставном безличном предложении, выполняет функции слов категории состояния, выражает состояние. При перестановке слов предложение *Ждать — не айс* становится двусоставным с интонацией двучленности, противопоставляющей группу подлежащего (тему) группе

сказуемого (реме); оценочное слово оказывается в признаковой позиции предиката, являющегося характеристикой действия, мыслимого опредмеченно (*ждать — ожидание*), за счет чего возникает синкретизм состояния и признака предмета (ср.: *опасно ждать — ждать опасно; не айс ждать тебя — ждать — не айс*).

Одна из зон синкретизма частей речи — оценочные существительные.

Существительные в позиции подлежащего в предложениях: *Такой стрем (страх, тревога, беспокойство) напал после этого ужастика, всю ночь свет не выключала; Мой респект* (англ. *respect* — ‘уважение’) *вам! У меня с матаном сейчас большой напруг*, — попадая в позицию предиката в односоставном безличном предложении, начинают функционировать в качестве слов категории состояния (ср.: *Да вот напруг курсач писать; Что-то стремно стало*). В то же время они могут сохранять остаточные признаки существительного — наличие согласовательных классов по роду (*такой стрем, большой напруг*), включение в падежную парадигму (*Да ничего, все сделали без напруга*).

В зависимости от синтаксических условий существительные, попадая в зону признаков слов, начинают совмещать черты разных частей речи, создавая контаминированные образования, меняют свой статус. Процесс изменения признаков осуществляется в определенном направлении: **существительное — оценочное слово в функции сказуемого в двусоставном предложении** (зона признаков слов) — **оценочное слово в значении междометия** или **слово-оценка ситуации в диалоге**: *Полный зашквар* (кошмар, ужас)! — *Да эти кроссовки полный зашквар!* — *Во что это ты вырядился? Зашквар!* (выражение сильных негативных чувств — оценочное слово в значении междометия); *На Прокопьевской ярмарке сольвычегодские девушки показали класс* (мастерство). — *Вышивка — класс!* — *На шоу девушки будут выступать. — Класс!* (слово-оценка ситуации в диалоге).

Оценочное слово, оказавшись в коммуникативной позиции ремы, начинает выполнять функцию сказуемого (предиката), сохраняя форму существительного (ср.: *Я в улете!* (о состоянии восторга)), что сообщает ей признаковые характеристики, позволяющие развертывать высказывание:

⁴ См.: СНРР; Живое слово Русского Севера 1998.

Движение — *огонь!* (выражение восторга, одобрения); *Бандана эта просто улет!* (ср.: *Посидели — просто супер!*). Подобные употребления, по сути, пополняют группу несклоняемых прилагательных оценки.

Синтаксическая функция сказуемого может включать в цепочку переходов и безлично-предикативную позицию односоставного предложения: **оценочное существительное — категория состояния — оценочное слово в значении междометия — слово-оценка ситуации в диалоге** (*Летали в Турцию летом. Полный кайф!* — *Мне кайф (хорошо), а им — не знаю.* — *Сидели в сауне в «Меридиане». Кайф!* (выражение удовольствия, состояния эйфории) — *И как концерт?* — *Кайф!*; *Полный капец.* *Полнейший капец!* (конец, безвыходная ситуация — существительное) — *Это был капец, а не экзамен!* (очень плохая ситуация), *Это капец просто!* (оценочное слово в функции сказуемого в двусоставном предложении) — *Ему капец!* (оценка ситуации как очень плохой — слово категории состояния) — *Завтра у нас пять пар.* — *Капец!* (выражение негативной эмоции возмущения, удивления — слово-оценка ситуации в диалоге и др.).

Выполняя эмотивную функцию, оценочные существительные активно входят в поле междометий, где функционирует несколько групп словоформ синкретичного типа.

Субстантивные формы междометий — возгласы выражения эмоций: *Всё отлично! Респект!* (выражение почтения, одобрения); *Обалдец! И что же дальше?* (выражение сильного удивления, восхищения или отчаяния); *Косяк! Проиграли!* (выражение разочарования, неудачи); *Опаньки! Вот тут-то я его подловил!*, *Вглядываюсь. Опаньки! Где же машина-то?* (реакция на какую-либо ситуацию, выражающая чувство удивления, удовлетворения или разочарования); этикетные формулы: *Хай (привет), кекс!*, сигналы опасности: *Шуба! Атас! Препоид идет!* и др. К этой группе слов примыкают глагольные формы инфинитива, выступающие в функции междометий: *Обалдеть! Неужели это правда?* (выражение чувства сильного удивления); *Опять двойка! Застрелиться!* (ср.: *В этой ситуации остается только застрелиться (застрелиться можно)*); *Какие люди! Офигеть!* (выражение сильного удивления); *Они опять встречаются?! Застрелиться и не встать!*

(фразеологизм), а также за счет застывшей формы повелительного наклонения глагола: *Как дела?* — *Зашибись!* (выражение сильных противоречивых чувств). Процесс интеръективации через форму инфинитива вполне закономерен, так как в диахронном плане инфинитив — этимологически субстантивная глагольная форма.

Контаминацию детерминирует функциональная близость выражения сигнала того или иного чувства у междометий и выражения реакции говорящего на коммуникативную ситуацию в оценочных существительных. Оценочные слова, в отличие от собственно междометий, сохраняют семантику номинации чувствования, входят в словообразовательные гнезда: *респект — респектабельный; косяк — накосычить — косить; офигеть — фига — на фиг — на фига* и т. п.

Дальнейшие метаморфозы связаны с функционированием оценочных слов в разных коммуникативных условиях: в монологической речи и в диалоге. В любом случае оценочные слова выражают оценку ситуации.

Если собственно междометия возникают спонтанно (*Вау!*, *Ааа!*), в результате нахлынувших чувств, то оценочные слова в функции междометий, также выступая в отдельной конструкции оценки и будучи употребленными вне связи с другими словами, тем не менее мотивируются исходной частью речи производящего слова: *Ну, покажись! Шикардос!* (офигенно, супер (превосходно)); *Сидели в «Полярном». Кайф!*; *Какая суперская куртка! Хайн!* (выражение восторга по поводу модной вещи; модно); *Ерунда какая! Просто рофл!* (в значении 'смешно'; англ. ROFL сокр. от *Rolling On the Floor Laughing* — *Катаюсь по полу от смеха*); *Димон бросает универ. Ну абзаци (абздобльц)!* *Писец нам без него* (выражение досады, раздражения). Начальная стадия перехода оценочного слова в междометие в монологической речи связана с тем, что объект оценки предшествует оценочному слову, так как внутренняя диалогичность монологической речи требует оценки факта (ситуации).

В диалогической речи объект оценки (ситуация или предмет) представлен в реплике собеседника: — *И как концерт?* — *Кайф! Космос!* (выражение удовольствия, состояния эйфории); — *Как настроение?* — *Улет!* (то же, что *отпад*); — *Как прикид?* — *Цивильно*; — *Как ты?* — *Ништяк* (оценка ситуации как очень хорошей); — *Девчонки на*

вечере будут. — **Обалдайс!** (выражение восторга, восхищения); — *Завтра у нас зачет и экзамен.* — **Капец!** (выражение негативной эмоции — возмущения, удивления); — *Как лекция?* — **Трэш!** (выражение отрицательных эмоций; англ. *trash* — ‘хлам, мусор’); — *Смотри, какая фотка получилась.* — **Зачет!** (отлично, превосходно); — *Как дела?* — **Беспонтовка** (оценка ситуации как тяжелой, безнадёжной, бесперспективной; ср.: *дела плохи, плохие*); — *Что-нибудь получается?* — **Верееки!** (крайне трудная ситуация). В рамках диалога формируется синтаксический дериват исходного оценочного слова, имеющий специфику. Слово не просто содержит аксиологический компонент, передающий эмоциональное состояние субъекта речи (сохраняется особая интонация как признак междометия, которая на письме выражена восклицательным знаком), оно выполняет функцию названия целой картины объекта речи в сжатом виде одним словом — **словом-оценкой ситуации в диалоге**, возникает некий моментальный оценочный срез ситуации с точки зрения собеседника. Позиция ответной реплики делает такие оценочные лексемы синонимичными развернутым высказываниям наподобие: *Это великолепно, хорошо, здорово!* и т. п.

Выводы. Оценочные слова представляют разнообразные группы, контаминации омонимичных слов разных частей речи — вплоть до полного отрыва оценочного слова от исходного существительного.

Традиционно выделяемая зона переходов частей речи в словах на *-о* представлена в разных вариациях по полноте охвата частей речи:

1) категория состояния — краткое прилагательное — наречие:

Так *фигово* сегодня, не знаю чё делать (плохо, нехорошо). — И платье *фигово* (некрасиво, не идет) ей! — Чувствую себя *фигово* сегодня;

2) категория состояния — наречие:

Было вообще *классно*! Есть что вспомнить. — Отличная вещичка! *Классно* исполнено!;

3) наречие — оценочное слово в функции сказуемого (признаковая зона) — модальное слово:

Я буду! *Железно!* (точно, наверняка, обязательно) — Поход — это *железно* (замечательно, круто). — Придешь? — *Железно!* (для выражения полного согласия: обязательно, конечно);

4) наречие — оценочное слово в функции сказуемого (признак) — оценочное слово в значении междометия — слово-оценка ситуации:

Она *круто* выглядит! — Это *круто* только в кино, Прогулка на теплоходе — это *круто*, Концерты в гаражах — это нереально *круто* — (о ботинках) Новенькие? *Круто!* — Едем в Египет! — *Круто!*;

5) оценочное слово в функции сказуемого (признаковая зона) — слово-оценка ситуации или междометие:

Ну и прикид у него — просто *отпад!* (нечто из ряда вон выходящее). — Ты видела его в военной форме? — Видела. *Отпад!* (выражение крайней степени удивления, восхищения, восторга или досады и раздражения);

6) оценочное слово в функции сказуемого (признаковая зона) — оценочное существительное — слово-оценка ситуации:

Блогеры — *отстой* (что-либо плохого уровня или качества). — Директриса опять родителей вызывает. — Полный *отстой!* (оценка ситуации как очень плохой, конец; безнадёжная, безвыходная ситуация) — Ходили в кино. — *Отстой!* (выражение крайней степени неприятия, презрения, раздражения);

7) оценочное слово в значении сказуемого — модальное слово:

Что ты беспокоишься, у меня всё *окей*. — Договорились? — *Окей* (выражение согласия).

Таким образом, оценочные слова — это активно пополняемый в современном языке в речи молодежи обширный класс единиц, включающий слова, соотносимые с разными частями речи: прежде всего со словами категории состояния, прилагательными, наречиями (слова на *-о*), с существительными и междометиями, а также с модальными словами, реже — глаголами. Синтаксическое поле предложений (термин Г. А. Золотовой), содержащих аксиологические компоненты в их семантической структуре, составляет целую парадигму структурно-семантических модификаций, в которых за счет яркого прагматического компонента в значении оценочных слов включаются внутризязыковые процессы трансформации их морфологической природы. Область оценочных слов имеет множественные переходные зоны, представляющие целый спектр оценочных значений с множеством оттенков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабайцева В. В.* Явления переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа, 2000. С. 242–247.
2. *Бондарко А. В.* Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. 264 с.
3. *Виноградов В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под ред. Г. А. Золотовой. М.: Русский язык, 2001. 720 с.
4. Живое слово Русского Севера: сб. статей / О. Е. Морозова (отв. ред.) и др. Архангельск: Изд-во Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова, 1998. 162 с.
5. *Сенько Е. В.* Неологизация в современном русском языке: межуровневый аспект. СПб.: Наука, 2007. 354 с.
6. Современный русский язык: учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. 2101 «Рус.яз. и лит.»: в 3 ч. Ч. 2: Словообразование. Морфология / Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1987. 256 с.
7. *Шарандин А. Л.* Лексическая семантика русского глагола в морфологическом освещении: учеб. пособие. Л.; Тамбов: Тамбовский ГПИ, 1990. 136 с.

REFERENCES

1. *Babaitseva V. V.* Phenomena of transitivity in the grammar of the Russian language. Moscow: Drofa, 2000. P. 242–247. (In Russ.).
2. *Bondarko A. V.* Functional grammar theory: Temporality. Modality. Leningrad: Science, 1990. 264 p. (In Russ.).
3. *Vinogradov V. V.* Russian language (grammatical doctrine of the word). G. A. Zolotova (ed.). Moscow: Russian language, 2001. 720 p. (In Russ.).
4. Living Word of the Russian North. *Sbornik statei = Collection of articles.* O. E. Morozova (ed.) et al. Arkhangelsk: Publishing house of Pomeranian State University named after M. V. Lomonosov, 1998. 162 p. (In Russ.).
5. *Sen'ko E. V.* Neologization in modern Russian: an interlevel aspect. Saint-Petersburg: Science, 2007. 354 p. (In Russ.).
6. Modern Russian language: a textbook for students of pedagogical institutes in the specialty 2101 "Russian language and literature": in 3 vol. Vol. 2: N. M. Shansky, A. N. Tikhonov (eds.). *Slovoobrazovanie. Morfologiya = Word formation. Morphology.* 2nd ed. Moscow: Education, 1987. 256 p. (In Russ.).
7. *Sharandin A. L.* Lexical semantics of the Russian verb in morphological coverage: textbook allowance. Leningrad; Tambov: Tambov State Pedagogical Institute, 1990. 136 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Наталья Александровна Петрова, кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка и речевой культуры, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова

Natalya A. Petrova, Cand. of Sci. (Philol.), Associate Professor, Department of Russian Language and Speech Culture, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov

Статья поступила в редакцию 20.10.2020; одобрена после рецензирования 09.11.2020; принята к публикации 09.01.2021.

The article was submitted 20.10.2020; approved after reviewing 09.11.2020; accepted for publication 09.01.2021.